

Екатерина Мордвинцева

**Любовь зла, или Как
нафеячить по-крупному**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
М79

М79 **Мордвинцева Е.**
Любовь зла, или Как нафеячить по-крупному / Екатерина Мордвинцева – М.: Lennex Corp, — Подготовка макета: ООО «Книга по Требованию», 2026. – 192 с.

ISBN 978-5-524-00386-7

ВНИМАНИЕ! Гильдия магического надзора предупреждает: фея Талия Листоверт опасна для общественного спокойствия, муниципального имущества и здравого смысла. Куратору Кельвину Торну поручено её обезвредить или задокументировать. Результат: досье о восставшем тесте, памятнике-утке, драконе-моднике и неконтролируемых чувствах. Отчёт прилагается. Любовь зла. Особенно с бухгалтерским приложением.

ISBN 978-5-524-00386-7

© Lennex Corp, 2026
© Е. Мордвинцева, 2026

Екатерина Мордвинцева

**Любовь зла, или
Как нафеячить по-крупному**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
М79

Мордвинцева Е.

М79 Любовь зла, или Как нафячить по-крупному / Екатерина Мордвинцева. – М.: Литнет, 2026. – 192 с.

ISBN 978-5-524-00386-7

ВНИМАНИЕ! Гильдия магического надзора предупреждает: фея Та-лия Листоверт опасна для общественного спокойствия, муниципально-го имущества и здравого смысла. Куратору Кельвину Торну поручено её обезвредить или задокументировать. Результат: досье о восставшем тесте, памятнике-утке, драконе-моднике и неконтролируемых чувствах. Отчёт прилагается. Любовь зла. Особенно с бухгалтерским приложением.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-524-00386-7

© Литнет, 2026

© Мордвинцева Е., 2026

Глава 1

Солнце над Фейрилендом светило не просто жизнерадостно – оно излучало ту наглую, беспечную бодрость, которая бывает только у существ, совершенно не знакомых с понятием «дедлайн», «магический аудит» и «внезапное превращение прически в интеллектуальный салон». Его лучи нахально бликовали в идеально вымытых витринах салона красоты

«Эльфийский шик и Ничего Лишнего», где в данный момент и разворачивалась трагедия, по масштабам приближающаяся к малому апокалипсису. Имя ей, как водится, было Талия.

Я, Талия, фея исполнения мелких бытовых желаний третьего разряда (и гордый обладатель значка «За попытку», полученного после инцидента с ожившим веником и его нездоровой любовью к чистоте), стояла в центре роскошного зала и чувствовала, как по спине бегут мурашки, по размеру и скорости не уступающие скаковым пони. Передо мной, перед огромным зеркалом в раме из резного ясеня, билась в эстетических конвульсиях эльфийка Айрин. Её уши, изящные и заострённые, дрожали от негодования.

– Талия, взгляни! Просто взгляни собственными, как бы это помягче... крыльями! – её голос, обычно напоминавший переливы серебряных колокольчиков в лунную ночь, теперь скрипел, как колесо телеги, нагруженной кирпичами разочарования. – Я внятно изъяснила своё желание: «Лёгкие, воздушные волны, томно ниспадающие на мои хрупкие плечи, с едва уловимым перламутровым отсветом, как на внутренней поверхности раковины моллюска Анадиомене в час рассвета»! А это что?!

Она яростно тыкала длинным, ухоженным пальцем в отражение своей головы. «Это» было гнездо. Не метафорическое, а самое что ни на есть настоящее. Большое, сложно-сплетённое, уютное сооружение из её же некогда великолепных волос, которые теперь похо-

дили на блестящую, уложенную идеальными рядами солому цвета спелой пшеницы. И в этом гнезде, как три мудрых судьи на заседании верховного совета, восседали совы.

Не милые сказочные совушки с большими глазами, а солидные, деловитые птицы с видом университетских профессоров, застигнутых врасплох во время подготовки к лекции. На их клювах красовались миниатюрные очки в тонкой оправе, а взгляды излучали холодную, аналитическую ясность.

Одна из них, самая крупная, с пучками перьев над глазами, напоминавшими насупленные брови, щёлкнула клювом. Звук был таким чётким и властным, что даже я невольно выпрямилась, как провинившаяся первокурсница.

– Конструкция, – начала она басом, в котором звенели нотки глубочайшего профессионального разочарования, – вызывает, мягко говоря, вопросы. Базовая устойчивость обеспечивается, да. Но о эргономике речь не идёт. Гнездо вашей кухни, фрау Айрин, в старом тисовом дубе у Просеки Ветров, демонстрирует куда более изощрённую технику плетения «зигзаг с подкрутом». Здесь же виден явный поспешный примитивизм.

Вторая сова, поменьше и стройнее, поправила очки крылом и зыркнула на меня жёлтым, пронизывающим глазом:

– Материаловедение – это вообще отдельная песня. Волокна хоть и обладают природным блеском, но обработка грубая. Чувствуется полное отсутствие концептуального подхода. Ни тебе лаконичности модерна, ни вызова авангарда. Банальный дилетантизм.

Третья, казавшаяся самой уставшей от всей этой суеты, просто вздохнула так, что у неё взъерошились перья на груди:

– И главное – «перламутровый отсвет»? Где он? Я наблюдаю лишь жалкую попытку симулировать его за счёт поверхностного глянца, вероятно, остаточного эффекта от вашего эльфийского кондиционера с жемчужной пылью. Полное фиаско в части цветопередачи. Разочарование.

Я стояла, бессмысленно сминая в руках свой официальный сертификат на пергаменте, который гласил: «Талие Листоверт разрешается практика магии уровня «Бытовая Радость и Уют» (с отметкой о прохождении курса

«Контроль над побочными эффектами: теория и надежды»)). Курс, я вспомнила, я провалила, сдав вместо итогового заклинания на приручение стихийного вихря для сушки белья эссе на тему «Почему магия – это, в первую очередь, ответственность». Эссе было трогательным. Практика – ужасающей.

– Айрин, свет очей моих... – начала я, используя стандартный зачин для успокоения клиентов.

– Не «свет очей»! – взвизгнула она, и совы на её голове неодобрительно захлопали крыльями, поднимая облачко пылинок из-под сохшего лака для волос. – Я заказала эту укладку для свидания! Сегодня! С принцем Альдэроном Чистокровным! Он ценит утончённость, поэзию односложных взглядов и тишину, нарушаемую лишь шелестом шёлка! А теперь я – ходячий симпозиум по прикладной орнитологии и архитектуре! Он подумает, что я готовлюсь к профессорской степени, а не к романтическому ужину!

Магия. Моя чудесная, непостижимая, коварная, как липкий стул после чужого заклинания на щедрость, магия. Я честно старалась. Я зажмурилась, представила не просто волны, а именно что лёгкие, томные. Я вызвала в памяти образ моря у берегов Зачарованного залива – ласкового, игривого, с переливами света на мелкой ряби. Я даже добавила мысленную нотку аромата морской соли и свободы. Но где-то на полпути между мозгом и кончиками моих крыльев (которые в моменты концентрации непроизвольно подёргивались) случился знакомый сбой.

Видимо, нейрон, отвечающий за «перламутр», по старой памяти связался с нейроном «пуговицы» (на плаще у моего преподавателя магии были такие перламутровые пуговицы, на которых были выгравированы совы – символ мудрости). А от «сов» до «гнезда»

рукой подать. И вот финал: не укладка, а готовое жильё для пернатой интеллигенции.

– Я всё исправлю! – выпалила я с энтузиазмом, рождённым в чистом горниле паники. – Прямо сейчас я уговорю этих уважаемых птиц на деликатное переселение! Без сучка, без задоринки! И без перьев! Я имею в виду, лишних перьев!

– Уговорите, – прошипела Айрин, и в её глазах засверкали зелёные молочницы мести. – И чтобы ни пылинки! Ни одного намёка на то, что на моей голове пять минут назад проходил съезд философов!

Собрав остатки достоинства (они тихо лежали в углу, рядом с упавшим бантиком от моего фартука), я приблизилась к живой причёске. Совы насторожились, повернув ко мне три пары непроницаемых глаз.

– Дорогие... мудрые... глубокоуважаемые... птицы, – зашептала я, стараясь, чтобы голос звучал как мёд, а не как забродивший сироп. – Я понимаю, что вы обрели здесь временный... э-э-э... интеллектуальный приют. Но, возможно, вас заинтересует альтернатива? Просторный, дубовый скворечник ручной работы? С панорамным видом на яблоневый сад мэра? И с пожизненным абонементом на мышей в шоколадной глазури? Я слышала, это нынче в моде у продвинутой орнито-богемы.

Сова-интеллектуал медленно, с достоинством повертела головой на все триста шестьдесят градусов (от чего у меня слегка закружилась голова) и вернула взгляд на меня.

– Предложение, безусловно, заслуживает внимания, – произнесла она. – Однако его расплывчатость граничит с легкомыслием. Каков точный метраж предлагаемой недвижимости? Предусмотрен ли камин? Имеется ли встроенная библиотека для вечернего чтения? И, что ключевое, кто является поставщиком этих глазированных грызунов? Есть ли у вас сертификат АСО-9001 на процесс шоколадирования? Гарантируете ли вы отсутствие в их составе трансжиров и излишков сахара, вредных для нашего оперения?

Я открыла рот, но никакой связной мысли, кроме отчаянного «ААА!», в голове не возникло. В этот момент спасительно, как удар гонга, раздался звонок на двери салона. Мелодичный, но сейчас прозвучавший как погребальный перезвон.

В дверях стоял гном. Не просто гном, а гном-курьер Гильдии Магического Надзора и Налогообложения. Его ливрея – тёмно-бордовая, цвета старого вина и неотвратимой судьбы – была безупречно выглажена. На фуражке красовалась эмблема: скрещенные жезл и абакус. Его борода была заплетена в сложную косу, в которую вплетены были не ленты, а, кажется, миниатюрные пергаментные свитки с параграфами устава. Он окинул взглядом помещение: рыдающая эльфийка с совиным салоном на голове, фея в позе молящегося грешника, три пернатых критика. Ни одна морщинка на его каменном лице не дрогнула. Гномы этой службы были воспитаны на худших кошмарах магических происшествий; наш скромный хаос был для них уровнем «вторник».

– Талия, фея, практикующая под лицензией БРУ-345-Ж? – отчеканил он голосом, напоминавшим стук камня о камень.

– В данный исторический момент, – попыталась я пошутить, чувствуя, как шутка падает в гулкую пустоту, – я, скорее, практикующий специалист по созданию спонтанных микро-экосистем с интеллектуальным компонентом.

– Не умничать, – отрезал гном. – Вам. Срочно и в руки. От Канцелярии Старшего Аудитора.

Он протянул мне свиток, но не простой. Он был из плотного, дорогого пергамента, свёрнут в тугой рулон и запечатан не просто сургучом, а целой батареей печатей: синей (Гильдия), серебряной (Департамент Рисков) и чёрной, с изображением перечёркнутого весёлого колпачка (Отдел Пресечения Несанкционированной Радости). Вес его был ощутимо тяжелее, чем должна быть бумага.

Гном, не дожидаясь ответа, развернулся на каблуках (раздался чёткий, как выстрел, щелчок) и засеменял прочь, оставив в воздухе шлейф запаха старого пергамента, чернил и беспристрастности.

Я медленно, будто разминируя бомбу, развернула свиток. Каллиграфический почерк, лишённый каких-либо эмоций, выводил: «На основании статей 45-Г, 67-В/б и Приложения «Катастрофы малой и средней руки» Регламента... В связи с участвовавшими инцидентами (см. досье: «Инцидент с говорящим и обидчивым фонтаном», «Инцидент с агрессивно-влюбчивым плющом», «Инцидент с материализацией облака, источавшего пессимизм»... и проч.)... приводящими к материальному ущербу, моральным страданиям граждан, а также к непредсказуемым экологическим и философским последствиям... К вашей деятельности назначен ПЕРСОНАЛЬНЫЙ АУДИТОР для всесторонней оценки эффективности, рентабельности и общественной опасности... Аудитор: КЕЛЬВИН ТОРН, старший инспектор первой категории, кавалер Ордена Засушенной Слезы (за экономию бюджетных средств на ликвидации магических последствий). Прибудет для проведения начальной оценки завтра, к полудню. Рекомендуются обеспечить полный и беспрепятственный доступ ко всем местам совершения магических актов за отчётный период (последние три лунных цикла). Невыполнение предписания влечёт за собой немедленную приостановку лицензии и принудительную сдачу крыльев в магический залог.»

Последняя фраза заставила меня рефлекторно сжать плечи, почувствовав под одеждой лёгкое, паническое дрожание собственных, нежно-голубых крылышек. Сдать крылья в залог! Это всё равно что попросить гнома сдать на хранение бороду!

Имя «Кельвин Торн» отозвалось в моей памяти глухим эхом. О нём ходили легенды. Он был тем, кто подсчитал точную стоимость ущерба от

«Великого Наводнения Слёз Русалки» и выставил счёт её жениху. Он был тем, кто доказал, что единорог, поцарапавший карету лорда-мэра, нарушил не только ПДД волшебных троп, но и статью о порче муниципального имущества. Его называли «Гибелью Надежд», «Живым Отчётом» и «Тем, Кто Заставит Тебя Плакать,

а Потом Оштрафует за Несанкционированное Увлажнение Общественного Воздуха».

И он придёт. Сюда. Завтра. Со своими чек-листами, весами для взвешивания нанесённого ущерба и, я не сомневалась, собственными счётами, вшитыми в складки плаща.

Я опустила свиток. Бумага шелестела, как предсмертный вздох моей карьеры. В салоне воцарилась тишина, нарушаемая лишь сдавленными всхлипами Айрин и методичным постукиванием клюва одной из сов по краю гнезда – она, кажется, проверяла его на прочность.

Сова-скептик нарушила молчание:

– Гильдия. Абсолютный тормоз для любого творческого процесса. Их подход убивает самую суть магии – её непредсказуемость. Вашу ситуацию, фрау Талия, я, как беспристрастный наблюдатель, оцениваю, как системный кризис, усугублённый административным произволом.

Айрин, увидев моё бледное лицо, внезапно перестала плакать. В её глазах мелькнуло нечто, отдалённо напоминающее удовлетворение.

– Ага, – протянула она с какой-то горькой сладостью. – Теперь и ты почувствуешь, каково это. Когда твои прекрасные ожидания сталкиваются с суровой отчётностью.

Я посмотрела в окно. Солнце, не ведающее о бюрократии и аудитах, продолжало своё наглое, беззаботное путешествие по небу Фейриленда. Оно ещё не знало, что с завтрашнего полудня его лучам предстоит освещать не просто очередной магический конфуз. Им выпала честь быть свидетелями начала Великого Противостояния. С одной стороны – безупречная, отточенная, леденящая душу логика. С другой – стихийный, ослепительный, совершенно неподконтрольный здравому смыслу хаос.

И хаос, позволю себе напомнить, – это была я. Со всеми моими благими намерениями, кривыми крыльями и совиным гнездом на совести. Господи (и все магические советы), помоги мне. Или, ещё лучше, помоги ему – Кельвину Торну. Ему это понадобится куда больше.

Глава 2

Если бы ад существовал, он был бы выкрашен в цвет скучно-бежевых обоев, пах бы пылью, старым пергаментом и подавленными вздохами, а вместо вечного огня в нём горели бы аккуратные ряды зелёных ламп настольных светильников. Или, как его называли сотрудники, «кабинет № 304 Департамента Магического Аудита и Оценки Рисков».

За столом, который походил не на мебель, а на геометрическое утверждение о превосходстве прямых углов над кривыми линиями жизни, сидел Кельвин Торн. Бывший инквизитор (уволенный по сокращению штата в связи с «общим снижением уровня ереси и демонической активности, неудовлетворяющим плановые показатели отдела»), а ныне – старший инспектор-аудитор первой категории. Его главное оружие теперь не освящённая сталь, а отточенный до бритвенной остроты карандаш. Его доспехи – костюм-тройка из серой шерсти, не принимавший складки даже под давлением вселенской скуки. Его вера – в точность, отчётность и неумолимую логику цифр.

В данный момент Кельвин изучал досье. Толстая папка с грифом «Талия Листоверт. Фея. Кат. БРУ-345-Ж. УРОВЕНЬ УГРОЗЫ: ХРОНИЧЕСКИЙ ХАОС (с тенденцией к эскалации)».

Его лицо, напоминавшее клинописную табличку с высеченными на ней вечными истинами о бренности бытия, оставалось непроницаемым. Только едва заметное подёргивание левой брови выдавало внутреннюю бурю.

Бурю расчётов.

Он вёл таблицу.

| Дата | Инцидент | Прямой ущерб (в зол. кронах) | Косвенный ущерб (моральный, репутационный, экологический) | Коэффициент абсурдности (от 1 до 10) | Примечания аудитора |